

Сергей Сметанин

**О людях
и книгах**

Сергей Сметанин

О людях и книгах

Статьи, доклады, эссе

Санкт-Петербург

2014

Югорская диалектика

Из тридцати лет жизни в Сургуте большую часть времени я провёл на производстве. Бывал я на инженерных должностях, жывал и на вольных хлебах, но недолго — трудовая книжка отражает сей факт с неумолимостью.

Известно, что профессионализм, кроме всего прочего, определяется тем, что профессионал так или иначе живет за счет профессии. В моем случае правильно было бы говорить: профессионально пишущий рабочий, член творческого союза.

Логично предположить, что героя все тридцать лет я искал в рабочей среде. Почему бы и нет? Семьдесят процентов населения Советского Союза были рабочими, более половины моих товарищей имели высшее образование, были женаты, вели добропорядочный образ жизни, все платили профсоюзные взносы, кое-кто даже был партийным. Редкий не имел за плечами приключений, приведших его в конце концов на Север, редкий не пережил увлечения общественной деятельностью, некоторые, как и я, занимались писательством.

Не надо думать, что рабочая среда однородна, сера и скучна. Напротив, порой удивляет, насколько разные люди выполняют производственную задачу, а в свободное время сидят в бытовке, обсуждая поход на автомобильный рынок, подробности ремонта квартиры или дачи или рецепт приготовления баклажанов.

Объединяет рабочий класс Севера, впрочем, не только рабочий класс, но многих и многих чиновников одно немаловажное обстоятельство, называется оно «северные льготы». Тут надо заметить, что районный коэффициент и, так называемые, «северные» у большинства проработавших на одном месте более пяти лет составляют основную часть заработка. В Сургуте северная льгота у рабочих-нефтяников составляет 120%. Чтобы получить надбавку размером в сто льготных рублей, нужно наработать на восемьдесят три рубля с копейками. Или, другими словами, из каждой тысячерублевки, которая лежит в бумажнике северянина со стажем, заработаны только 454 рубля 54 копейки, а остальные 545 рубля 46 копеек добавлены государством в виде льгот.

Нечего и говорить, что все или почти все северяне — государственники. «Государственный» тип мышления заставляет их по-особому относиться к выборам. Они голосуют за те партии, которые либо представляют существующую власть, либо обещают вести линию на укрепление государственности впредь. Те, кто не идет на выборы, резонно предполагают, что от их неявки на избирательный участок государство не рухнет, следовательно, можно считать, что они проголосовали «за», то есть, за сохранение теперешних устоев.

Экономически большинство северян-рабочих вынуждены вести денежное

хозяйство. То есть иные источники дохода, как то: натуральная добавка от дачи, охоты или рыбалки, нерегулярны и ненадежны. Вот счет в банке — это да! Правда, держателей акций «Сургутнефтегаза», «Газпрома» и других приятных обществ среди рабочих крайне мало. Иначе бы они не работали, а жили на дивиденды.

Рабочий класс в северных «палестинах» — надежная машина по выжиманию северных льгот из государства. Даже бандиты, говорят, не трогают работягу. Зачем рубить сук, на котором так удобно сидеть? Гораздо проще обработать заезжего челнока, провести передел добычи многочисленных полулегальных мошенников, начиная от владельца точки по продаже фальсификатов, заканчивая чиновником, который, по сведениям наводчиков, «ест много тортов».

В среде рабочих на Севере много людей культурных, имеющих высшее образование. На одном из очередных ремонтов газоперерабатывающего завода в комнате для приема пищи собралось 12 рабочих. Из них только двое не закончили вуза, остальные же могли похвастаться дипломами нефтяного, химического, строительного институтов, двое имели университетское образование.

И рабочая молодежь денег на образование не жалеет. Все понимают выгоду, которую приносит диплом. С дипломом легче двинуться по карьерной лестнице, легче, в случае чего, пережить кризис и найти другую работу.

Большая часть рабочих имеют родственников среди представителей других подразделений предприятия, на котором они работают. Это не «трайболизм» и не рабочие династии, а нечто среднее. Во всяком случае, это явление двояко влияющее на рабочий класс. С одной стороны, оно несколько размывает его интересы, с другой, помогает получать информацию о жизни предприятия, которая порой не то, чтобы скрывается, но как-то не рекомендуется к распространению. В общем и целом, родственные связи хорошо известны администрации.

Надо ли пустить какой-либо слух, создать общественное мнение, либо как-то повлиять на него — нет ничего удобнее, чем разговор за столом двоих-троих родственников.

Но даже такой, изученный до дыр, послушный и преданный любой государственной идее рабочий класс неудобен для класса правящего.

Рабочие вредны, потому что верят государству больше, чем предпринимателю, ведь северные льготы ввел не он. Рабочие вредны, потому, что продолжают надеяться на улучшение условий труда при сохранении курса руководства на максимальную прибыль, а при случае могут пойти на забастовку. Рабочие вредны, потому что в отличие от автоматических установок, которые можно настроить и ждать запрограммированных результатов, плохо поддаются программированию. Они разные. Среди них встречаются и самостоятельно мыслящие. А самое вредное, что среди них встречаются коммунисты. Коммунист-рабочий — это высшая опасность для

капиталиста. Это значит, что коммунистическая идея не «бродит призраком по Европе» с конца еще 19 века, где пусть бы она и бродила еще лет 500-800, а проникла туда, куда и замыслили ее поселить Маркс и Энгельс — в самое для них святое — в рабочий класс.

Это чревато ростом самосознания современных пролетариев, которых создала и создает действительность. Пусть на Севере это полупролетарии, полугосударственники по чину. Пусть современное высшее образование обходится без диалектического материализма. Пролетариат — естественный продукт буржуазного общества. Оно его создает и заботится о том, чтобы вокруг не было «книжек-зеркал» — не дай Бог, сам себя познает. Но запретить пролетариату смотреться в «воду» собственной памяти и собственной речи оно не в силах.

Помнит пролетариат и о законе единства и борьбы противоположностей, и о законе взаимоперехода количества с качеством (сиречь числа со свойством), и о законе отрицания отрицания. Помнит и применяет для познания действительности, какой бы сложной она ни была. Благо, материалом для этого познания служит как сама действительность, так и собственная мыслящая голова и родная речь. И не вышибить из его памяти эти великие три закона, не заставить о них молчать. Ты против? Ну, так пойдя умойся да яичко съешь, как говорила моя покойная бабушка.

Такая вот диалектика. Конечно, заменить рабочих роботами, которые, как показывают по телевизору, уже почти умеют играть в футбол, пока не реально. Воспользоваться половиной их сущности, купленной на «льготные» деньги, реальнее. Вот и пытаются югорские власти как можно более разнообразить если не качество товаров, то хотя бы вид этикеток и тары. Вот и создают в суровых климатических условиях иллюзию столичной жизни, со всеми ее дорогостоящими прибабасами. Тут тебе и форумы, и фестивали, культура, туризм, образование, даже, по секрету Вам скажу, литература. О югорской литературе я расскажу в следующей статье.

Добровольческая деятельность литературного объединения

Условия обского Севера – отдаленность от крупных культурных центров, увеличенный зимний период, инфраструктура, слабо развитая в 60-е – первой половине 70-х годов XX века, когда многие молодые люди испытывали себя на прочность в этих суровых краях, – все это снижало возможности приобщения приехавших к высокой культуре.

Потребность жителей Севера в погружении в культурное пространство удовлетворялась чаще всего в библиотеках, домах культуры. В нефтяном и газовом крае активно развивалась самодеятельность: начинали работать различные кружки, секции, создавались творческие коллективы. Отсутствие возможностей в полном удовлетворении культурных запросов людей различных профессий, специальностей, прибывших на Север, оказалось одним из импульсов к всплеску самодеятельного творчества.

Пишущие люди, начинающие авторы стали самоорганизовываться, объединяться в группы для более плодотворной творческой деятельности. В Ханты-Мансийске в шестидесятые годы появляется литературное объединение (ЛИТО) «Югра» под руководством поэта Андрея Тарханова, в Сургуте с конца семидесятых начинает работать литературное объединение «Северный огонёк» (в разное время им руководили Н. Шамсутдинов, В. Матвеев, С. Сметанин, Г. Ешимов, в данное время – А. Лазарева), в Нижневартовске организуется литобъединение «Замысел» (руководитель А. Кузьмина). Литературные объединения возникают и во многих других городах и поселках Севера, развиваются и совершенствуют формы работы с начинающими литераторами.

С осени 1989 года в Ханты-Мансийске начала работать межкружная Угро-Ямальская писательская организация под руководством Андрея Тарханова. С первых дней существования она находилась в тесной взаимосвязи с литературными объединениями югорских городов и посёлков. Через семь лет писательская организация была реорганизована в Ханты-Мансийское окружное отделение Союза писателей России, которое сейчас продолжает свою деятельность под руководством поэта Дмитрия Мизгулина.

Совместная работа начинающих авторов всегда строилась по образцу, близкому к принципам волонтерского движения: новые авторы регулярно встраивались в текущий литературный процесс на добровольных началах. Заседания Сургутского городского литературного объединения «Северный огонёк», членом и руководителем которого многие годы был автор, проводились два – три раза в неделю. Это были встречи при редакции городской газеты, затем в Доме журналистов, который является частью историко-этнографического комплекса под открытым небом «Старый Сургут», в уютной атмосфере реконструированных старых деревянных зданий, когда-то стоявших в различных частях города Сургута. В этих встречах принимало

участие обычно от семи до пятнадцати человек, занимались обсуждением текущих литературных событий, работой над рукописями и отдельными произведениями. Одной из форм работы с начинающими авторами была подготовка рукописей к публикации в местных изданиях. В планы работы объединения включались и литературные встречи, концерты, конкурсы, общегородские культурные мероприятия, поездки по району и в другие города Тюменского Севера.

Литературное общение позволило выделить основной интерес большинства – как можно более совершенно воплотить в литературном произведении определенный замысел, искреннее душевное состояние.

Большинство членов литобъединения – очень начитанные романтики, но явно ощущался недостаток не только писательского мастерства начинающих литераторов, но и основ необходимых литературоведческих знаний, отсутствие филологической подготовки делало обмен мнениями по поводу рукописи или готового художественного произведения весьма затруднительным, а работу по совершенствованию собственных сочинений огоньковцев еще более актуальной.

Желание восполнить недостающие знания и приобрести минимальный опыт филологического анализа произведений, сформировать умение видеть в тексте роль поэтических средств и использовать их – всё это надёжно сплачивало группы, и литературное объединение стало для многих единственным местом, где можно было получить минимальные сведения о современных художественно-изобразительных средствах и их применении в произведении.

С учетом этого особое внимание уделялось содержанию встреч участников литературного объединения, в частности изучению и освоению на практике необходимых для писателя художественных средств (инверсии, метафоры, эпитета, аллюзии и других), анализу различных творческих приёмов.

Литературное объединение, как правило, позволяет на любительском уровне пройти почти все составляющие литературного процесса: подготовку рукописи, редактирование, рецензирование (подготовку отзыва), опубликование в периодической печати или сборнике, отдельной книге, получение отзывов литературной критики, читательских отзывов, переработку текста. Каждый из членов объединения на встречах становится то декламатором собственного сочинения, то читателем произведения другого автора, его критиком, редактором, корректором.

Прикладная поэтика – не единственное, что объединяет начинающих авторов. Незаметным образом члены «Северного огонька» влияют друг на друга положительно: алкоголь и табакокурение, не говоря уже о наркотиках, постепенно оказывались на обочине общения. В результате творческого взаимодействия членов объединения, несомненно, повышается их общий культурный уровень.

На развитие литературного процесса в Ханты-Мансийском автономном

округе-Югре направлены ежегодные семинары молодых писателей, поэтов, проводимых Ханты-Мансийским отделением Союза писателей России в окружном или областном центре, крупных городах округа. Такие семинары дают возможность представителям различных литературных объединений принять в них участие, продемонстрировать свое творчество, послушать других начинающих авторов, пообщаться с опытными литераторами – членами Союза писателей: поэтами, прозаиками, драматургами, критиками – поучиться. Творческое общение, дискуссии обычно начинаются уже в гостинице, пансионате или общежитии, куда съезжаются литераторы на 2-3 дня. С утра проходят занятия, вечером – запись на радио и телевидении, выступления перед читателями библиотек, учащимися школ, студентами вузов и колледжей, встречи с жителями города, поселков.

Те из представленных на семинаре произведений, которые прошли обсуждение и получили одобрение, могут быть рекомендованы к опубликованию и попасть на страницы периодической печати, литературных альманахов, сборников; интересные рукописи рекомендуются к изданию отдельной книгой, талантливые авторы – к вступлению в Союз писателей России.

В настоящее время, в век активной виртуализации литературного процесса, ряд функций литературного объединения принял на себя Интернет. Одним из примеров этого является портал «Стихи.ру», на котором желающим предоставлены ресурсы библиотеки классиков русской и мировой литературы, круглосуточная площадка для обмена электронными сообщениями, рецензиями и замечаниями, при этом обеспечена защита публикаций авторским свидетельством.

Портал предоставляет возможности различных видов онлайн работы литературного объединения. В ряду их можно выделить, во-первых, посещение страниц начинающих общение авторов с целью выяснения уровня их писательского мастерства. Исходя из собственного опыта, могу сказать, что представление об уровне мастерства писателя, как правило, можно получить уже при просмотре нескольких произведений любовной лирики авторов-мужчин и философской лирики авторов-женщин: это самые трудные жанры как для тех, так и других, поэтому, оценив качество этих произведений автора, можно сделать соответствующий вывод.

На портале «Стихи.ру» есть возможность занести интересных авторов в свой список избранных, после чего программа портала предоставляет к прочтению список всех текущих публикаций избранных авторов. По прочтении произведения, вышедшего на странице избранных авторов, можно оценить сочинение в виде рецензии или замечания, помочь поправить текст стилистически.

Программа портала предоставляет возможность сделать гиперссылку в тексте как публикуемого произведения, так и в тексте рецензии или замечания. Эту возможность трудно переоценить, ибо вся революционная

сущность современной информационной эпохи зиждется на принципе гиперссылки.

Система «зарабатывания» и оборота так называемых «баллов» – аналога виртуальной валюты на портале «Стихи.ру» – в определенной степени приближает виртуальный литературный процесс к реальности. Но это скорее слабый аналог реального спонсирования «бумажного» книгоиздания.

Используя возможности портала, авторы участвуют в литературно-критической деятельности, посильно помогая друг другу и публикуясь в сети.

В целом почти четверть века занимаюсь добровольческой литературной деятельностью в сети Интернет с привлечением и других ресурсов: в августе 2014 года исполнилось 20 лет авторской странице «Сотворение мира» (<http://www.ruspoetry.narod.ru>); более десяти лет редактировал страницу «Поэзия земли югорской», которую инженеры компании «Сургуттелекомсети» создали на портале isurgut.ru в рамках новогодней акции (на этой странице размещались произведения авторов Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, Сургута); чуть меньший срок существует страница Сургутского городского литературного объединения «Северный огонёк».

Многие годы активно используется собственная авторская страница «Сотворение мира» с целью организации литературного процесса в виртуальном пространстве. Ресурс поддерживает связь со страницей Сургутского городского литературного объединения «Северный огонёк», имеющей аналогичную структуру и задачу: на «Сотворении мира» используются ссылки либо на представительские страницы членов литобъединения, либо на их произведения, в их числе ссылки на страницы «Литературная учеба», «Русская филология» (сайт кандидата филологических наук, доцента Н. Рябковой), «Андрей Тарханов», «Виктор Кононов», «Страница памяти Леонида Адрианова», «Григорий Кайгородов», «Георгий Ешимов», на страницу Сергея Сметанина, страницу упоминаний автора в сети, страницы отзывов на стихи и прозу автора, архив страницы и др. Здесь же ссылки на аккаунты в сетях «Фейсбук», «ВКонтакте», «Одноклассники», на порталах «Google+», «webnode.ru», «Jimdo.com», «wix.com». Электронный ресурс «Сотворение мира» поддерживает систему ссылок и баннеров, ведущих на страницы классиков русской литературы, на общественно-политические и литературные сайты, страницы писателей Югры и России, на литературно-художественные журналы, электронные версии стихотворных книг. Часть из этих книг выпущены в книжных издательствах, часть существует лишь в электронном виде.

Многие годы добровольчества в сфере использования возможностей Интернета в развитии литературного процесса Югры приводят пока большей частью к экстенсивным результатам: писательское общение частично переходит в сети «Фейсбук» и «Одноклассники», где возможности целевого обмена гиперссылками затруднены, страница «Поэзия земли югорской» и ряд персональных сайтов югорских писателей канули в Лету, Ханты-Мансийская

писательская организация до сих пор не представлена на портале «Российский писатель», существуют и другие проблемы в сфере добровольческой просветительской деятельности. Достойно сожаления то, что до сих пор не получает поддержки идея открыть бесплатные российские онлайн-курсы по ликвидации электронной безграмотности. Такие курсы позволили бы существенно расширить ряды участников литературного общения в сети Интернет.

Внушает надежду лишь пока неоспоримый рост писательского мастерства участников онлайн-ового (сетевого) литературного процесса.

ИСТОЧНИКИ

1. Проблемы развития литературного процесса в нефтяном Приобье // Сотворение мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruspoetry.narod.ru/litprozessjugra2011.html> (дата обращения: 4.06.2014).
2. Сотворение мира [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruspoetry.narod.ru/> (дата обращения: 7.09.2014).
3. Северный огонёк [Электронный ресурс]. URL: <http://www.surgutlito.narod.ru> (дата обращения: 7.09.2014).

В память о писателе...

(о Н. П. Смирнове)

Я познакомился с Николаем Павловичем Смирновым в начале 90-х годов. Мой литературный учитель Андрей Семенович Тарханов отрекомендовал его как известного публициста, человека инициативного и ответственного, обладающего неутомимой энергией. Поскольку речь шла о литературной деятельности, о замысле создания писательской организации, все эти качества были как нельзя кстати.

При личной встрече Николай Павлович произвёл впечатление личности пытливой, но деликатной. Он не походил на шустрого и въедливого журналиста, хотя и окончил в свое время факультет журналистики Уральского государственного университета. Внешность у него была простая и свойская, помнится его худощавая фигура в мягком пиджаке, подчёркивающим изрядную сутулость, вечная «Беломорина» и привычка слегка задумываться после получения ответа на какой-то вопрос.

Лицо у него было обычное, правильное, с крупным носом и небольшими внимательными глазами, аккуратно подстриженные усики вовсе не придавали ему вида сердцееда. Вообще, к женскому полу он, казалось, был равнодушен. Не беспокоила его и литературная слава, затаённая жажда которой порой видится в каждом втором авторе.

Николай Павлович покорял преданностью профессиональной литературной деятельности. В то время как большинство писателей вынуждены были проститься с надеждой жить на доходы от литературного заработка, начали писать «в стол», и горевали, ожидая помощи от Союза писателей, он продолжал писать и публиковаться.

Не очень счастливый в семейной жизни, он в то время разъехался с женой: она с детьми обосновалась в Тюмени, а он в Нижневартовске. Правда, «зелёного змия» в этом винить нельзя, так как Николай Павлович был трезвенником. Курил он много, предпочитая «Беломорканал» любому другому табаку.

Писатель охотно пользовался преимуществами в выбранном им стиле публицистики. Его публицистика легко находила сторонников среди управленцев высшего звена. Руководители понимали, что история так или иначе пишется людьми, и именно такой человек, кропотливо и спокойно творящий современную летопись, оказался перед ними.

Смирнов легко знакомился с директорами, начальниками, управляющими многочисленных производственных подразделений нефтяного Приобья, легко договаривался с ними о материальной помощи и даже выражал удивление, что мало кто из сибирских писателей следует его примеру.

Николай Павлович не однажды приезжал в Сургут и, позвонив, находил ночлег в моём доме. Как-то раз из Нижневартовска он приехал на своей автомашине. Машина была светлого цвета, отечественная, кажется, «Жигули».

Боже мой, что это был за водитель, такие чудачки, наверное, встречаются только среди поэтов! Во-первых ехал он предельно осторожно, такое ощущение, что сел за руль впервые и не знает ещё, что, собственно, делать, со всеми этими рычагами управления, рулевым колесом и как приводить их во взаимодействие. Во-вторых, удивление вызвал и занимающий половину салона предмет садового инвентаря, с которым он проехал весь многокилометровый путь. Это были огромные грабли с очень длинным черенком и металлической частью, заботливо укутанной в белую мешковину. Они лежали по диагонали, протянувшись от места рядом с водителем до места за ним.

Но все недостающие элементы надёжного водителя искупало невозмутимейшее спокойствие, которое, казалось, пронизывало Смирнова с головы до пят. Конечно, я не стал выпрашивать Николая Павловича о предназначении граблей в этой поездке. Мы доехали до городского рынка, поставили машину на стоянку и пешком отправились домой.

Наши отношения складывались не только как дружеские. Было время, когда мне пришлось писать внутреннюю рецензию на его книжку стихотворений для детей «Записки из Лукоморья». Тогда я работал редактором издательства «Северный дом». К сожалению, на мой взгляд, не все стихи, представленные в рукописи, были высокого уровня. В ответ на предложения по её изменению в издательство пришла возмущённая телеграмма. Рукопись он потребовал вернуть и напечатал её впоследствии в другом месте.

Потом гнев оскорблённого автора утих, и событие это никак не сказалось на нашем взаимном расположении друг к другу. Мы обменивались новыми книгами, переписывались и перезванивались. Только СМС-ки отправлять он так и не научился. Нечастые встречи (а встречались мы в основном на ежегодных писательских совещаниях в Ханты-Мансийске) искупались теплотой общения, взаимным интересом к публикациям и делам друг друга.

Николай Павлович, по моему разумению, был типичным советским интеллигентом, честным, порядочным, не чуждым романтики, и в то же время слегка анархичным. Неприятие вызывали у него снобизм и высокомерие, от кого бы они ни исходили. В литературных кругах он занимал позицию независимую, выступал открыто и прямо.

Он живо интересовался деятельностью сургутского городского литературного объединения «Северный огонек», которым я тогда руководил, через которое прошла целая плеяда известных югорских писателей, таких как Дмитрий Сергеев, Михаил Антохин, Георгий Ешимов, Олег Никулин, Олег Рихтер, Петр Суханов.

Сургут всегда подавал пример Нижневартовску и в количестве писателей, и в буйной пестроте литературной жизни, хотя в Нижневартовске существует

и успешно работает литературное объединение «Замысел», руководимое классиком югорской прозы Маргаритой Анисимковой, жили известные югорские писатели Еремей Айпин и Владимир Мазин.

Последние годы Николай Павлович тоже решил заняться подготовкой писательской смены. Он организовал Содружество нижевартовских писателей, стал выпускать газету «Литературный Нижневартовск», с его подачи Содружество основало городской литературный музей, учредило премию им. К. Гарновского, стало организовывать выступления начинающих писателей перед читателями, в том числе с выездом в Излучинск, Мегион, Сургут, другие поселки и города.

Николай Павлович задумал многотомный труд, в котором отражалась бы история последнего времени. В одном из последних томов он собирался написать о жизни самих писателей, не знаю, удалось ли ему приступить к этой задаче.

Умер Смирнов в творческой поездке. Сердце неравнодушного человека остановилось. Так уходят многие. Флегонт Показаньев, сургутский краевед, взявшись за сердце, прервал выступление перед слушателями в библиотеке. На взлёте, едва начав литературную деятельность, почил Амирсеит Даутбеков, ученик Николая Павловича. И вот он сам ушёл, как говорится, «Не докурив последней папиросы...».

Николай Павлович Смирнов был членом Союза журналистов России, лауреатом многих окружных, областных и российских литературных конкурсов. Он был награждён медалью имени Шолохова «За заслуги в области литературы и воспитания молодежи», получил премию имени Мамина-Сибиряка, множество других наград.

Осиротели начинающие писатели Нижневартовска, бывшие у него под защитой, скорбят знавшие его собратья по перу. Настала пора пересмотреть свои позиции и тем, кто неоднозначно воспринимал его энергию, перенося эти отношения и на его литературное творчество. Сделано же Смирновым достаточно, чтобы гордиться им как современником и гражданином.

Характер писательницы

(о Маргарите Кузьминичне Анисимковой)

Я много раз встречался с Маргаритой Кузьминичной Анисимковой на семинарах молодых писателей и мероприятиях писательской организации. Как прозаики, так и поэты относились к ней с явным почтением. В ней всегда светилось какое-то достоинство, почти аристократизм. Её чуть грузноватая фигура пленяла скромностью. Маргарита Кузьминична удивляла постоянной и ровной доброжелательностью к шумной и не всегда умеренной писательской братии.

Анисимкову отличала какая-то особая безмятежность, которую нельзя было объяснить только солидностью постов в руководстве нефтяного края, занимаемых ею прежде того, как она стала известной писательницей.

В туалетах этой югорчанки всегда присутствовали меха, иногда лишь кусочек соболя или полоска норки. Это был фирменный стиль северянки.

Романы и повести выходили из под её пера с завидной регулярностью. По сургутскому местному радио часто можно было слышать отрывки из её прозы в исполнении чтецов-декламаторов или артистов. Меня как филолога занимала гендерная сторона её творчества. Особенно ярко, на мой взгляд, она проявилась в её романе «Наледь».

По сюжету в сибирское село забредает отряд белых, которые реквизируют лошадей у крестьян, и, поскольку, в сёдлах обнаруживается нехватка, подчистую выбирают половики у женской части поселения. Тот факт, что половики служат всадникам вместо сёдел, оказывается сюжетообразующим, о нём писательница упоминает несколько раз. На мой взгляд, ни у одного писателя мужского пола подобного не могло бы быть в принципе. Таков гендерный фактор в литературе.

Работая в журнале «Югра», я с интересом обнаружил, что Маргарита Кузьминична ещё в самом начале творчества обратилась к теме мифологии лозьвинских манси. Она работала над книгой «Мансийские сказы», затем над текстом эпоса «Янгал Маа». Неудивительно, что её увлекала эта тема, о художественных достоинствах мансийских преданий писали многие. Сам я, столкнувшись с пересказом легенды о богатыре Танье, который публиковался в нескольких номерах «Югры» был очарован волнующей гармонией сюжета и волшебных деталей легенды. Обычный школьный учитель Селин сделал пересказ по памяти, переведя на русский, но даже на другом языке замечательная легенда потрясала могучей первобытной красотой героев и героинь.

В дальнейшем Анисимкова в прозаическом творчестве очень свободно использовала местный материал. Именно она познакомила широкого читателя

с национальным героем ненецкого народа Ваули, с судьбой дочери знаменитого берёзовского ссыльного светлейшего князя Александра Меншикова.

Помнится писательское совещание 1997 года в Ханты-Мансийске. Это было ещё при Анне Митрофановне Коньковой и Евгении Федоровиче Вдовенко. Тогда Маргарита Кузьминична перешла в нашу организацию Союза писателей из Тюменской. Потом мы встречались с ней на конференции АСПУР в Нижневартовске в ноябре 2008 года. Анисимкова всегда была открыта к общению.

Маргарита Кузьминична не замыкалась в творческой башне, щедро делилась приёмами писательского мастерства в нижневартовском ЛИТО «Замысел». Под крылом ЛИТО мало-помалу выросла целая плеяда нижневартовских авторов.

Писательница была совсем не чужда нового. По крайней мере персональный сайт в интернете появился у неё одним из первых. 17 декабря 2008 г. я сделал запись в гостевой книге сайта, где высказал впечатление о графическом и музыкальном оформлении. Романс «Гори, гори, моя звезда» в исполнении Штоколова звучал как заставка мощно и романтично.

Считаю, что, к сожалению, мало писал о Маргарите Кузьминичне, но всегда бесконечно уважал её за великодушный характер и понимание. Конечно, с её уходом писательская организация потеряла многое, может быть, даже невозполнимое.

От мечты до прорехи

Поэта Петра Суханова я знал на протяжении жизни в Сургуте, то есть около тридцати лет. Мы познакомились на одной из встреч в литературном объединении «Северный огонек», которое работало при газете «К победе Коммунизма» в конце семидесятых.

Помню кряжистую фигуру Петра в унтах, овчинном полушубке и собачьей шапке, светло-карие глаза с лукавым проблеском, неповторимое придыхание, которое отличало его мужественный баритон. Он представился водителем, прочитал стихи. Суханов частенько приезжал к заседанию на новенькой оранжевой «Татре». Рядом с одноэтажным зданием редакции на улице Просвещения она казалась громадной. Стихи, которые читал Петр, были в основном посвящены любви и, как тогда говорили, трудовой романтике будней. «Магистрالی», «километры» и «кубари» несуетно ворочались в его степенной «производственной» лирике.

В литературном объединении Пётр с самого начала держался чуть особняком. Старше всех по возрасту, выделялся татуировкой на тыльных сторонах мохлятых кистей рук. О прошлом Петра мы знали немного. То, что он родом из Прибалтики, будучи подростком побывал в колонии, был женат, разведён, снова женат, жену зовут Людмила, она с Кавказа, вот, вроде, и всё. Петр любил грубоватый юмор, солёную шутку, иногда не стеснялся обыграть чью-то фамилию, возраст, физическую особенность. Основную оценку личности мы выводили тогда прежде всего по стихам. Что-то исподволь вызывало недоумение, когда он читал строки.

Мне пахать бы и сеять,

И упасть у межи

Но на Север, на Север

Вырывается жизнь...

Казалось, в них есть что-то нарочито-несерьёзное. Мне было не очень ясно почему, если хочется человеку «пахать и сеять», не делать это свободно у себя дома, не любоваться васильками родных полей, а «вырываться» на Север и «пахать» на Севере. И вообще, о какой меже шла речь? В то время по всей России колхозные трактора распахивали даже промежутки между дорогой и лесопосадкой, не оставляя ни клочка целины. Но стихи звучные, легко запоминались наизусть. Петр писал:

Удивляюсь,

Вечно удивляюсь

Красоте и мужеству добра!..

Мы все вместе с ним удивлялись, как просто и хорошо сказано. В основном поэтика сухановской лирики совпадала с поэтикой

социалистического реализма. Он не писал стихов, прославляющих комсомол и партию, но этого никто и не требовал.

В октябре 1978 года новички «Северного огонька» поехали в Ханты-Мансийск, на семинар молодых литераторов. Ханты-Мансийск тогда больше походил на деревню. Деревянные тротуары, клюква и оленина в столовой, гостиница, более похожая на дом заезжих. Добирались Обью на «Метеоре», любясь просторами берегов, полётом чаек и диких уток. На семинаре Петру удалось доказать свою состоятельность, мало того, на его стихи о Невском пятачке, о героях Великой отечественной войны обратили внимание московские руководители семинара, которые и дали ему рекомендацию в литературный институт.

*Вздрагиваю каждым нервом,
Будто бы предчувствуя беду...
Сорок первый
По моим артериям
Мечется,
Как раненый в бреду!
и далее:
Сорок первый
Тысячами ружей
Сквозь года
Уставился в меня.*

Честно говоря, гиперболическое «вздрагивание каждым нервом» не вызывало у меня особого доверия, сама фигура поэта была далека от какого-либо выражения повышенной чувствительности. Но лирический напор, тон, заданный первой строкой был выдержан во всём произведении, а произведения военной лирики пользовались у слушателей неизменным успехом.

Сильно прозвучала тогда баллада Петра «Нефтепровод», в которой он ярко высказался о рабочем классе:

*Удел всесильных —
Крутить рули!
На наших спинах
Вся соль земли!*

В творчестве на него оказали большое влияние, по его словам, литинститутские наставники Владимир Фирсов и Егор Исаев.

*Всё прекрасно на земле,
Если люди вместе.*

*Всё прекрасно:
Труд и честь,
И любовь к отчизне!..
В этом мире нет чудес
Кроме жизни.*

Петр очень хорошо отзывался о Маяковском, Блоке, любил Есенина, Рубцова, постепенно у него возник свой стиль, охарактеризовать который можно было бы одним — нагнетание противопоставлений. «Мне радостно и грустно...», «Хорошо / Живётся мне, / Оттого / И плачу», писал Петр, подобные антитезы сухановской поэтики воспринимались на слух очень чётко.

Иногда он не замечал, что противоречия захлестывают стихи до абсурда. Например, если в одном стихотворении он мог пообещать женщине:

*И если я
От радости заплачу —
Ты не заплачешь с горя
Никогда.
«О, если б знать...»*

то на следующей странице напрочь отказывал ей в доверии:

*Но женщине, которая не плачет,
Я не поверю в жизни никогда.
«Какая бы ни выпала удача...»*

Получалось, что обещание одарить счастьем, данное «плачущим от радости» лирическим героем любимой женщине, полностью обесценивается недоверием к ней же именно по той причине, которая делает её счастливой. Впрочем, многие поэтические приёмы применялись автором вполне удачно. Выразительно, как у Евтушенко, звучала сухановская аллитерация.

*Мы курьеры карьеров
Гладиаторы трасс
Не машины, а звери
Под руками у нас.*

Сухановская лирика оставалась пронизана тягой к философскому обобщению переживаемых им чувств. Он часто и продуктивно обращался к понятиям «время», «жизнь», «судьба». Не зря в первых книгах у него звучало как заклинание:

*Пусть всё доброе
Будет вечным*

*Жизнь прекрасной,
Недолгой грусть.
Всё насущное
Человечней
Будет пусть.*

Петр работал в автобазе, неплохо зарабатывал. Довольно скоро его семья получила двухкомнатную квартиру в том же квартале, где жил я, через дом от моего. Мы иногда бывали друг у друга в гостях. Так вышло, что на небольшой территории 14-го микрорайона поселилось несколько будущих писателей.

Суханов учился в литературном институте имени Горького заочно. Гегель и Юрий Кузнецов появились у него в домашней библиотеке. Петр занял одно из первых мест в поэтическом конкурсе журнала «Смена», его стихотворение «Вздрагиваю каждым нервом...» опубликовано в журнале «Коммунист». В 1984 году в Свердловске вышла его книга «Встреча». О первой книжке «Время первых признаний», вышедшей двумя годами ранее под редакцией А. Вершинского, он обычно говорил мало, может быть, смущаясь того, что её содержание почти целиком перекочевало во вторую. В семье Петра появились две дочери, он перестал посещать литературное объединение.

Однажды я попросил у Петра помощи. Ко мне из Уфы должна была приехать мама. Её надо было встречать на железнодорожном вокзале поздно вечером. А Суханов тогда водил «Газик», работая личным водителем то ли тестя (начальника одного из сургутских строительных управлений), то ли другого какого-то начальника.

Петр охотно согласился. Он ждал меня в кабине автомобиля у дома на улице 50 лет ВЛКСМ. По дороге Петр рассказал мне, что немного обеспокоен тем, как поведёт себя радиатор. Днём он обнаружил протечку и по совету бывалых водителей, засыпал в воду горчицы. Горчица должна была закупорить место протечки и решить проблему.

Пока мы ехали до вокзала, всё шло нормально. Припарковались у здания администрации вокзала. Я встретил поезд и мы с мамой поспешили на площадь к машине.

Живописная картина ожидала нас. Пока я ходил на перрон, радиатор взорвался. Вся кабина изнутри, включая стекла, сам водитель — заляпаны рыжими пятнами. Жутко пахло горчицей.

Общими усилиями мы отгёрли, как могли, внутренность салона, долили в радиатор свежей воды и благополучно доехали до дома.

Поддержки читателей, сургутской общественности и администрации, тюменских и московских писателей Петр Суханов не терял и в последующие годы. Через два года после выхода «Встречи», вышла третья книга: «Миры и меры», рецензентом которой указан В. Фролов.

*Всё — до последней рубахи —
Отдам
За отеческий флаг.*

заявлял поэт на 7-й странице. Он воспевал свободу передвижения:

*Экономлю жизнь —
Летаю самолётами!..
И всегда, пожалуй, как во сне,
Радуюсь
Земле
между полётами —
Будто бы люблю на стороне!..*

Правда, третьей книгой Петр был недоволен. Она казалась ему неудачной. Чувствовалось, что он находится в некотором недоумении. Бывает так, что автор не совсем понимает что делать дальше, на каких принципах строить следующую книгу, короче, зря теряет время. В «Миры и меры» опять попали многие стихотворения первой книги, а новые стихотворные заявления не производили впечатления чересчур оптимистичных.

*Скоропалительное время,
Неуловимые года!
Как незаметно мы стареем
Кто от любви,
Кто от стыда...
Но грустью душу не мозоля,
И жизнью землю не черня,
Я даже в мыслях
не позволю
Невзгодам
изменить
меня!*

Ощущение времени как вывода, как приговора, («скоропалительное»), и жизни, которая может отказаться чернее земли, новое отношение к грусти, которая может «мозолить»(!) душу выдавали серьёзность переживаемых им проблем. Далеко не всё выглядело гладким в новых «мирах» Петра, хотя внешне он не показывал вида. Для меня в те годы Суханов оставался бодрячком, готовым любой вопрос разрешить за «рюмкой чая». Он продолжил

делать решительные заявления, но в издании книг наступила почти десятилетняя пауза.

Девяностые годы — годы перестройки начались не без активного участия Петра Суханова в общественной жизни. Он резко высказался против поддержки ГКЧП, в адрес которого Андрей Тарханов послал приветственную телеграмму от писателей округа, в том числе и сургутян.

В 90-е годы сургутские писатели заморочились невесть откуда взявшейся «свободой слова». Все носились с идеями примерно одного плана: издать собственную книгу, продать и, разбогатев, получить независимость от всех, либо начать издавать собственную газету с такой же окончательной целью. В ходе подготовки к выпуску газеты «Сургут литературный» мне пришлось тесно столкнуться с Петром. Помню, мы встретились с ним на квартире Олега Рихтера, взявшего на себя обеспечение технической стороны издания. У него дома стояла стоившая огромные деньги копировальная машина «РИКО», на которой он, не выпуская из рта сигарету «Лайка», готовил выпуски анекдотов, брошюры каких-то дефицитных финансовых постановлений, детективы, собственные рассказы и стихи. В одной из брошюр опубликовано едва ли не лучшее лирическое стихотворение Петра:

А я люблю предсумрачную свежесть,

Когда под осень, полную огня

Какая-то безудержная нежность

Находит запоздало на меня

Мне кажутся печальными деревья,

Дома и люди кажутся добрей...

И хочется

Уехать мне в деревню,

Где грусть и хлеб

Растут возле дверей.

«А я люблю предсумрачную свежесть...»

Пришёл Петр. Раздеваясь, он вынул из под свитера небольшой мельхиоровый поднос. На мой удивленный вопрос ответил, что носит его на животе за неимением бронежилета. Времена были на самом деле беспокойные, так что такое применение подноса понятно. Петр принес рукопись новых стихотворений, какой-то рассказ и мы несколько часов обсуждали будущую газету.

Потом он поддержал начавшееся возрождение сургутского казачества. Был выбран атаманом сургутского казачьего круга, ходил какое-то время в мундире с погонями и двумя крестами. Но бойкие сургутские казаки не долго оставались под началом поэта, после одного из собраний вместо Петра атаманом избрали

другого. Принимал участие Пётр и в акциях общественного протеста, когда возникла полемика по поводу возможного строительства в черте города химического комбината.

Вскоре Суханов вновь почувствовал себя «на коне» как поэт. В 1995 году вышла его долгожданная книга «Площадь света», которая получила широкую поддержку сургутских и ханты-мансийских журналистов. Тюменский критик Юрий Мешков положительно отзывался о творчестве поэта в газете «Тюменская правда». Книжки делались толще, выпускались уже в твёрдых обложках. Несколько стихотворений Петра Суханова вошли в Хрестоматию «Литература Тюменского края» вышедшую в Тюмени в 1996 году. К сожалению, на фоне этого успеха в отношении Петра к начинающим авторам и читателям стало появляться некоторое высокомерие. Рабочая романтика то временно исчезала, то вновь возникала в его книгах, хотя, казалось, он перешёл к натур-философскому осмыслению действительности. В Сургут иногда приезжали его знакомые по литературному институту, на ежегодных семинарах молодых литераторов его уже выдвигали в руководители секции поэзии.

Петр, несмотря на характер, умел поддерживать хорошие отношения с отделом культуры администрации города, с мэром города Александром Сидоровым.

В 1997 году вышла новая большая книга Суханова «Высшая мера». Конечно, два года — слишком мало, для того, чтобы наполнить книгу такого объёма достойным содержанием. Видимо поэтому, наряду с прекрасными строками у него стало всё больше появляться невнятных, грубых оборотов. В то время в моде было покаяние. Суханов каялся и цитатой из Есенина, и от своего имени, как будто в этом покаяние и есть настоящий смысл поэзии. Но в промежутке между искренними покаянными словами мог заявить: «Я столько глупостей наделал, / что не прощу себя... / И вас.» К явной нелепости привела его попытка вторично использовать успех стихотворения «Вздрагиваю каждым нервом...»

Потрясение

Вскакиваю на каждый шорох...

Как тяжело больной,

рву, как бинты, нервы —

в которых

трепещется образ...

Твой!

Его лирический герой повел нескончаемый разговор с женщиной, с которой был связан кратковременной навязчивой страстью. Стихи посвящались самым разным женщинам, слово «любовь» Петр понимал далеко

не платонически, поэтому диалог оказывался довольно скудным.

*...не мучаясь в изменах
И день,
И ночь
Без лишних фраз»!..
Любить при всяких переменах!..
Любить вовсю!
Во всём!
Сейчас!..
«Клятва»*

Некоторые стихи даже поражали грубым натурализмом. «А я люблю, когда люблю, / Когда при женщине как в бане, / когда лежишь с ней на диване...» или «В моей стране талантов — натюрморт, / Но каждый сыт своей женой и кашей...» Любимые антитезы Петра порой стали выражать банальность: «Утратив правду, мы приобретаем ложь...»

Программным можно назвать стихотворение «Эпилог», почему-то помещенное в середину книги. Но даже оно начиналось резко:

*Мы все начинали с затрещин,
и мало кто знал о любви...
А что до ошибок
и женщин —
у каждого были.
Свои.*

В этом стихотворении образ «Октябрьской вьюги» «на лезвиях красных штыков» мало прояснил его позицию по отношению к современной политике. Грубый материализм стал основным содержанием его творчества. Неудачными по признанию самого поэта вышли его басни для взрослых «В мире животных», вышедшие в 1998 году. Большинство басен написаны в тяжелом для понимания рваном стиле. Затем в свет вышла книжка «Про колобка и красавицу Бабу Ягу, или Шедевральное приключение Колобка во времени. Сказка для взрослых», тоже не нашедшая успеха ни у критиков, ни у читателей.

В личной жизни Петра тоже не всё было ровно. Он на какое-то время уехал в Тюмень, но пожив там недолго, снова вернулся в Сургут. Пережил ещё один развод, женился ещё раз.

Последующие книги «Завороть», «Разнолетье», казалось, продолжили обычные темы Суханова. Но самыми светлыми в них опять оказались

перепечатанные из первой книги юношеские стихи. «Кто говорит, что нет героев — / тот никогда не станет им» резонно, афористично говорил Петр в стихотворении «Сибирякам». Он тепло писал о Сургуте, сургутянах. Всё же настоящих героев у него в стихах почти не появлялось, некоторые стихи посвящены реальным людям, но, как правило, им посвящался только эпитафия, и напротив, в его поэзии действовало всё больше героев социального дна: «Как много в нас фарса и фальши / расписанных на трудодни!..» («Корни»), «Он жил отвратительно тихо, / Любил только то, что имел» («Про мужика»), возникали то образ бомжа, то «Бабы Вали», живущей на вокзале.

Он признавался в том, что не может расстаться с прошедшей эпохой:

*Я привязан к другой эпохе —
к той, где сделан был
первый шаг!..
В ней — великой или ничтожной,
но сумевшей весь мир спасти,
я застрял, словно крест придорожный
у себя самого на пути!
«Мера длины»*

С горечью и отчаяньем писал в стихотворение «Встреча с двенадцатью» о любимом им некогда Александре Блоке.

*— Эй, товарищи!.. Мир
далеко?..
— Да не видно отсюда... Далече...
И, как призраки, скрылись легко —
словно вовсе и не было встречи.
Я кричал на пустом берегу,
как птенец, оборвавшийся с ветки...
А когда рассвело — на снегу
отпечатались
нервные
клетки.*

И в тоже время на грани между горькой иронией и глумлением звучали его стихи о демонтаже памятника Ленину в Ханты-Мансийске:

*тени, исчадья, гнилые пути!..
А впереди ковыляет устало —*

двадцатитонный Ильич...

Впереди!..

Кажется, в некоторых стихотворениях у него окончательно пропадало чувство слова. Вот образцы такого письма:

С большим трудом

и страшным нервным скрипом

я думаю...

«Тяжесть»

Или

Мы в каждом глобусе —

как в морге

А в морге — как в дыре Земли!..

Но всё-таки прозрения не оставляли Суханова и, наряду с явными пошлостями, он отваживался на глубокое постижение действительности хотя бы в самооценке:

А если мир весь равен бытию

и разнозначны лишь разноязычья —

зачем я заблуждаюсь, что люблю,

И в чем мое ничтожное величье?..

«Кручина»

В одном из стихотворений Петр не остановился перед тем, чтобы провозвестить грядущую революцию.

Мы во власти блаженного искусства:

— Всё моё!..

Нам и Бог не судья...

Но доносится сверху: — А выкуси!..

И — опять впереди

революция...

«Тема»

В последние годы перед кончиной Суханов склонялся к приятию идей Солженицина, об этом говорят и названия его книг — неологизмы «Завороть», «Разнолетья» и странные окказионализмы «Похлёб», «...Безвызвездье...». В поздние годы, казалось, даже в выборе одежды старался подчеркнуть сходство с ним, одевался в какие-то нарочито упрощенные френчи и куртки, «как у заключенных».

Шестидесятилетний юбилей поэта праздновали в центральной библиотеке Сургута. Перед его проведением было немало волнений. Боялись, что Петр Антонович вновь поведёт себя высокомерно, а то и начнёт скандал, но встреча прошла на удивление ровно.

Петр Суханов скончался в 2008 году после болезни. После его смерти остались рукописи, часть которых вошла в «Избранное», вышедшее в этом году. Сухановская лирика до сих пор находит активную поддержку. Составителем и автором предисловия к «Избранному» стал член СП России, профессор, критик-шолоховед Юрий Дворяшин.

Романтик с Мелик-Карамова*

(О творчестве Георгия Ешимова)

Я познакомился с Георгием Карожановичем в 1997 году на одном из этажей редакции «Сургутской трибуны», что по ул. Маяковского. Ешимов прислал стихи, среди которых обращали на себя внимание следующие строки:

Шмеля ошалевшего веткой

Спешишь отогнать от виска.

Вот так же июньским рассветом

За Бугом гудели войска...

(Погранполоса)

В строфах о начале Великой отечественной войны, о молодых защитниках Брестской крепости хорошо прочитывалась аллитерация, выразительное звуковое сравнение поражало точностью. Короче, стихи показались интересными и я позвонил автору.

Лысоватый человек среднего роста, одетый в мягкий, серый пиджак и светлую рубашку с галстуком, доброжелательно щурил весёлые карие глаза. Смуглое лицо с выразительными бровями, с чуть загнутым книзу носом и улыбочивыми губами делало его слегка похожим на молдаванина. Манера общения Георгия Карожановича была совершенно интеллигентской, поэтому разговор у нас получился краткий, деловой. Договорились, что будем встречаться на заседаниях литературного объединения «Северный огонёк». Позднее он принёс рукопись, которую мы прочли и обсудили. Ешимов часто приходил со свежими, чем-то необычными произведениями.

К моменту нашего знакомства город уже знал такие имена, как Николай Шамсутдинов, Пётр Суханов, Сергей Сметанин, Никон Сочихин, Дмитрий Сергеев. Все — поэты, члены Союза писателей России. Но покровительством городской администрации пользовались в основном первые двое, благодаря статусу выпускников Литературного института. Сергеев, историк по образованию, почти полностью занятый журналистикой, держался особняком. ЛИТО «Северный огонёк» посещали Николай Сочихин, Леонид Сидоров и я. Георгий Ешимов органично влился в нашу компанию.

До первой небольшой книжки, вышедшей на следующий год, Георгий Карожанович напечатал стихотворения «Песня кипчака» и «Витязь» в альманахе «Эринтур» да одну вещь в газете «Вестник». Прежние поэтические опыты Ешимова выпали на молодость. Учась в ленинградском горном институте, он занимался в студии Александра Городницкого.

Что побудило его вновь загореться поэзией на шестом десятке, прожив на Севере больше двенадцати лет? Семьянин и владелец дачного участка, состоявшийся ученый — кандидат технических наук, патентовед, автор

множества изобретений, Ешимов, казалось, был самодостаточен. Может быть, причина в том, что, как говорила критик Алла Цукор: «...Север даёт потрясающие переживания, глубокие и сильные». А может быть, что-то иное возвысило Георгия Карожановича к духовным поискам. Будучи весьма одарённым, этот человек имел за плечами опыт и геолога, и нефтяника, и автомобилиста. Он утверждал, что с детства заражён морской романтикой.

Вновь надену тельняшечку рваную

И, поскольку душе моря хочется,

Пусть сургутская Мелик-Карамова

Надо мной парусами всполощется...

(Сухопутный моряк)

Вероятно, Ешимова освежала атмосфера творческого общения, раскрывшаяся на «субботах» литературного объединения, которое в те времена собиралось при редакции «Северо-Сибирского регионального книжного издательства». По его собственному признанию, коллектив «Северного огонька» — то редкое место, где умеют обходиться без сплетен и интриг, никто никого не «подсиживает». Для его деликатной натуры это был просто клад.

Часто Георгий Карожанович приносил тонкую папочку белой бумаги. На листах была распечатана подборка новых стихотворений. Он молча подкладывал рукопись на стол, готовый к творческому обсуждению. Рукопись в четырёх-пяти экземплярах тут же разлеталась по столу, где сидели авторы.

Не все легко и сразу воспринимали чрезвычайную для рядового сургутянина информативную насыщенность ешимовских рукописей. Мало того, что он насыщал тексты производственной лексикой нефтяных промыслов и геологических изысканий, мало географической широты его кругосветных интересов, он ещё пускался в исторические дебри векового становления российской государственности. Его занимали времена всех войн, тевтоны, турки-сельджуки и татарские ханы, куликовское сражение и грюнвальдская битва, новые трактовки восхождения на престол Петра Первого и кончины императора Павла, судьбы Кутузова, Брусилова, Жукова, Сталина, и бесконечное множество других тем.

«На штык!» — суровым был Суворов:

Пехотный Апешронский полк

Бесшумно вражьи сняв дозоры,

Сорвал турецких флагов шёлк.

(«На штык!» — суровым был Суворов...)

Конечно, это контрастировало с любовной, домашней или огородно-дачной тематикой стихотворений для детей, которые приносили скромные

поэтессы. Помню скептически поджатые губки одной из них: «Сергей Егорович, но я ничего не понимаю в его стихах!» Что делать, порой мы точно так же ничего не понимаем всей хитросплетённой диалектики любовного сюжета, расписанного на добрые четверть авторского листа. А сколько баллад и сонетов о любви публиковалось и публикуется только оттого, что в них многозначительно говорится о неуловимом?

Энциклопедическая широта планетарных интересов Георгия Карожановича не мешала ему временами выводить мелодичные, выразительные и образные интонации.

*Вдоль России кольцо проводов и дорог,
И за солнцем спешит поездной говорок:
Выбивают колеса простые слова:
Благовещенск — Москва,
Благовещенск — Москва.
(Поезд «Благовещенск — Москва»)*

Ешимов постепенно увлек часть «огоньковцев», они стали общаться теснее, встречались у него дома, на даче, наладили дружеские отношения с поселками сургутского района. На мой взгляд это было только на пользу всему объединению. Мы много выступали в школах и библиотеках города, устраивали и общегородские мероприятия. Литературно-поэтический вечер в малом зале ДК «Энергетик» собрал большую аудиторию. Было время, когда Ешимов вёл передачу «Сургутский патефон» городской телестудии «Анонс». В телевизионных передачах принимали участие желающие авторы «Северного огонька».

*Объятья детских рук,
молочный чистый запах:
«Любимый мой, родной,
не покидай меня!»
Но вновь дела зовут на Север и на Запад,
И снова кони ржут, и удила звенят.
(Зов)*

Двадцать пять коротких произведений составили первую книжку Ешимова «Зов» иллюстрированную В. Довганом и отпечатанную в Сургутской городской типографии. Брошюра в мягкой обложке приятного зелёного цвета, карманного формата.

На следующий год четыре стихотворения обнародованы в еженедельнике «Литературная Россия». Появились подборки в газете «Нефть Приобья» и других. Заметил Георгия Карожановича и главный редактор газеты «Тюмень

Литературная» Николай Денисов, представивший читателю его стихотворение «Витязь». Вторая и третья книги Ешимова вышли в 2000 году. Время настолько насыщенное событиями, что с трудом вспоминаю работу над редактированием его «Дикой вишни». Её, как и «Яблочный спас», издало Литературное агентство «Московский Парнас». Предисловия к обеим написал Леонид Ханбеков, с которым сразу установились прочные отношения.

Помню стихотворение «Ледоход» с неожиданно символической концовкой, обещающей исчезновение житейских горестей вместе с уплывающими в половодье льдинами:

*Народ в порту взволнованно шумит,
Свои заботы в море провожая,
И строг природы возрождённый вид,
И дышит речка, быстро оживая.*

*На дальнем берегу рябует лес —
Прокуренными кажется усами...
И уплывают беды в синь небес —
Примерзшие ко льду, как чьи-то сани...*

Бывало, задумаешься, что кроме творческой работы над стихами связывало нас, таких разных по возрасту, предпочтениям, убеждениям, интеллекту, мечтам? Ведь порой кроме зыбкого ощущения реализации себя как писателя, никакой платы мы за этот великий и самоотверженный труд не получали. Неужели нас сводило чувство социального сиротства, исподволь задевающее каждого: Север, вековая оторванность от «Большой земли»? Нет, точнее всё-таки назвать это чувством товарищества.

Насколько помню, излишества, пьянство, даже курение, как-то произвольно выталкивались из круга интересов. У членов «Северного огонька» привился своеобразный шероховатый, но беззлобный литературный юмор. Случайные посетители, которым не возбранялось присутствовать на встречах, обычно с большим интересом относились к происходящему. Но специфика пристрастного «буквоедства» нравилась далеко не всем. Оставались те, кого спланировала потребность постоянного творческого роста. Оно и понятно, ведь всякий рост связан порой с не самыми приятными, даже, возможно, мучительными переживаниями. Их бывает трудно осилить в одиночку. А сообща болезнь роста воспринимается незаметно и преодолевается легче.

Георгий Карожанович на наших глазах стремительно превращался в известного югорского литератора. В 2002-м году его уже приняли в члены Ханты-Мансийской писательской организации. К этому времени в Москве вышли книжки «Открытые проливы», «Влюблённая Югра» и «Триумфальные

арки». Кроме того, он постоянно приносил самиздатовские версии подборок, посвященных то Дню Победы, то пушкинскому юбилею, сделанные в двух-трёх экземплярах. Эти брошюровки мастерились, чтобы прочесть их вслух и подарить кому-нибудь.

Разумеется, Ешимов чувствовал, что его широкомасштабная поэтика вступает в противоречие с характером лирики большинства сургутских начинающих лириков. Иногда его творческие замечания носили мягкий, но несколько безапелляционный характер, это наталкивалось на непонимание. По высказыванию Георгия Карожановича «один раз покривив душой, можно многое потерять». Поэтому при обсуждении стихотворений на заседаниях клуба он порой воздерживался от детальных рецензий. Со временем замечания Георгия Карожановича делались ближе к индивидуальным свойствам каждого. Неутомимая деятельность приносила весомые плоды. Однажды я увидел, что предлагая изменения в произведения одной из поэтесс, он отметил без исключения все моменты, пришедшие в голову и мне. Подумалось: душа не будет болеть за «Северный огонёк», если оставить его на Ешимова.

Сургут не был обделен вниманием писательской организации, из столицы периодически приезжали известные поэты Анатолий Парпара, Юрий Кузнецов, несколько раз приезжал главный редактор «Литературной России» Вячеслав Огрызко. Но отношение серьёзной литературной критики к Сургуту оставалось противоречивым. Нашим стихам уделяли целые страницы и развороты в центральной прессе и в то же время заявляли, что в Сургуте нет поэтов.

Понятно, рассчитывать на успех среди всероссийской аудитории авторам Нефтяного Приобья не приходилось. Возможно из-за этого в творчестве Георгия Карожановича возникали нотки отрешенности:

Я сижу на станции «Юность Комсомольская»,

А вагон мой фирменный ждет и ждет меня...

(Юность Комсомольская)

Но томики Ешимова, хотя и скудными тиражами в несколько сотен экземпляров, продолжали появляться («Купальские венки», «Ночной разговор» и другие), он принимал участие в составлении литературных сборников. В 2004-м году это «Бульвар писателей», затем литературно-художественный альманах «Эринтур», альманах «Сургут» и другие.

В 2006-м году вышла книга «Обитель души» (избранные стихотворения). Автор сознательно сгруппировал произведения по циклам, чтобы облегчить восприятие по-прежнему весьма содержательной лирики. На мой взгляд самым удачным оказался цикл «Запахи детства». В него вошли стихи «Кедр», «Тополь и березка», «Речки» бесхитростные и светлые.

Лилий цветущих

белы и туги паруса,

*Яхонты блещут —
кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть —
их таинственна тьма,
Плесь просторные
сводят мальчишек с ума.
(Речки)*

Ешимов не знал возраста, стихи его становились всё живее, с упругой мелодикой и смелыми рифмами.

*Пока они золото делят
Мы ищем его для страны
И верим, как добрая челядь,
Что кончится час Сатаны.
(Новые и старые)*

После моего отъезда он возглавил литературное объединение и с успехом вёл заседания. Был частым гостем в Геронтологическом центре, в поселке Федоровский. При Ешимове выходили новые книжки Олега Никулина, Александры Лазаревой и Людмилы Премудрых, сам он выпустил в твёрдой обложке «Югорские строфы», много трудился над сборником «Медведица-Югра», оказавшимся его последней книгой. У Георгия Карожановича обнаружилась неизлечимая болезнь кишечника. Она за год свела его в могилу, несмотря на активное лечение самыми современными средствами. Вспоминаю последний телефонный разговор с ним, его бодрый, несмотря на серьёзное положение, голос, уверенный отказ от предложения приехать в Санкт-Петербург для обследования. Он, видимо, знал — никакое обследование уже не поможет.

С именем Георгия Карожановича Ешимова у большинства горожан связано только самое доброе. Наверное, пора обсудить вопрос о том, чтобы присвоить ему звание Почетного сургутянина. Столько пользы для экономики и культурной жизни Сургута, сколько он, не принёс никто из знакомых мне людей.

*Мелик-Карамова — улица названная в честь первооткрывателя сургутской нефти — знатного бурового мастера Николая Борисовича Мелик-Карамова.

Стихотворения Георгия Карожановича Ешимова

Открытие

*Пожертвуйте позой надменной:
Закладку рукой теребя,
По листику в день, постепенно
Откройте меня для себя.*

*И пусть от ошибки хранит вас
Мелодий услышанных дух...
Откройте мой пыл и ранимость,
И к вам я – влюбленный – приду*

*По ветхозаветной дороге,
Потертою лирой звеня,
И стану на вашем пороге –
Откройте себя для меня.*

Братья

*В Ровно – средний,
Младший – в Павлодаре,
Старшему – приобские края...
Разметала удаль молодая,
Разлетелась дружная семья.*

*В майский праздник
Не грусти, тальянка,
И про одиночество не пой,
Собирала мать их – полтавчанка
На пирог на именинный свой.*

*Прилетали соколы напиться –
Веселились песнями уста...
Вдруг, откуда ни возьмись, границы,
Визы, разрешенья, паспорта...*

*Отменили чартерные рейсы,
На таможенных – «шмон» по два часа...
Не гудят заржавленные рельсы,
Не звучат внучаток голоса.*

*Не дожди, не грозовую тучу,
Не бутылку зелена вина,
Проклиная Ельцина и Кучму,
Плачет мать в Чернигове.
Одна.*

1998 г.

Ностальгия

*Ах, уж этот Питер
с жигулёвским пивом,
Русская Бавария
через каждый дом,
Возле входа в Горный –
греческое диво:
Прозерпину в воду
тащит Посейдон.*

*Помнишь общежитие
в розовом берете?
На Наличной улице
угол-гастроном?
Ты тогда мечтала
о другой планете,
Я с тобою еле-еле
был знаком.*

*Помнишь турпоходы
в Саблино, в пещеры:
Жесткая штормовка,
нежная рука?
Со сгущенкой сладкой
чай казался серым,
Мрачные вливали
в душу облака.*

*Отложи вязанье,
милая, скорее,
Запахом варенья
юность оживёт...*

*Помнишь, я дежурил
в звездной галерее -
Ты тогда «по партии»
не сдала зачет?*

*Шпиль Адмиралтейства
и колонны-ростры...
Проводили праздники –
сладко вспоминать.
Утонул навеки
в нас Васильев остров,
И Невы под солнцем
голубая прядь.*

*Грянул распоследний
факультетский литер:
Разлетелись птахи
по стране – лови!
Ах, уж этот Питер,
прибалтийский Питер, –
Юности подарок,
колыбель любви.*

Таллинн

*В тихом парке Кадрiorге
Собираются русалки,
Голосов игривый шелест
Обаятелен и чист.
Им, над волнами взметаясь,
Плача, подпевают чайки.
Дирижером хору служит
Старый Томас – трубочист.*

*Знаешь, Вайке, в Старый город
За тобой и я летаю:
Мимо ратуши высокой,
Над коньками красных крыш...
Рядом с Томасом со шпиля
Я стихи тебе читаю,
Но горька твоя улыбка,
Ты – печальная – молчишь.*

Павлодар

*Он немного успел,
тот чухонец курносый с косицей,
Император российский
и страстный в душе янычар,
Но указом его
казаков прииртышских станицу
Нарекли городком...
и встречает гостей – Павлодар!*

*Оседлавший простор
за мелькнувшую,
в общем треть века,
И дома, и дворцы,
и деревья в садах подросли.
Но распахана степь,
как нагайкой спина человека,
И заводы дымят,
как эскадры большой корабли.*

*В нём всё больше примет
от восточного давнего мира...
Лучше жил бы в России,
как в роте послушный солдат...
Но мне спать не даёт
его старых цехов аритмия:
Павлодар,
Павлодар,
Павлодар,
Павлодар...*

Перед наступленьем

*Царь на фронте
да с иконой
Приснодевы золочёной,
«Солдатушки-ребятушки» -
Нам во здравье
говорил.*

*Мушкетёры-гренадёры
Красноморды и матёры,
Батюшке-царю молились
Сколько было сил.*

*Конно царь,
в руках икона,
Мы – коленопреклонённые,
Шапки – сняты,
сабли сбоку,
Будто дети пред отцом.
Свита царская на конях,
Лик суровый на иконе,
Да оклад её сияет
Золотым венцом.*

*Едет царь,
а сердце бьётся,
Душа грешная трясётся,
Мы за батюшку готовы
Сгинуть, за царя!
Все свои приложим силы,
Поведи нас в бой, Брусилов!
Царь на фронте
да с иконой!
Зрим её не зря!*

На поле Куликовом

*...Князья молились в лавре перед боем –
К архистратигам было их реченье...
Укрыла роца воинство земное,
И не придал Мамай дубам значенья.*

*– Дозорный, что там?
– Левый отступает,
Сторожевой разбит, Большой – махает,
Косожьи шапки перебороняют –
Повсюду только лисьи малахаи...*

*Остатки наших гаснут, аки свечи...
– Теперь пора! Русь, оживай святая!..*

*Из роуи выплеснулася на ворожьи плечи
Не волчья ярость – сила неземная.*

*К славянским побеждающим заветам
Мы подошли с молитвой, с верой в Бога.
И Божья милость нам была ответом...
И легкою была домой дорога.*

Погранполоса

*Шмеля ошалевшего веткой
Прогнать не спеши от виска...
Вот так же июньским рассветом
Гудели за Бугом войска.*

*Мальчишки из русской пехоты –
Винтовка да скатки рубец –
Хоть каждым четвертым из дотов,
Но все же «закрыли» рубеж.*

*Их били сноровисто, ходко,
К Москве расчищая пути,
Из танков прямою наводкой,
И увещевали уйти.*

*Задраены люки у дотов –
Не слышно посула врагов...
Мальчишек сожгли огнеметы
Потомков арийских богов.*

*Никто к ним щекой не приникнет,
Пустынна погранполоса,
Не кровь на траве – земляника,
Не слезы на листьях – роса.*

Ровесники побед

*Нынче грянуло ей шестьдесят,
Стала бабушкой мамка-Победа,
Но у правнуков очи блестят:
«Расскажи про Германию, деда!»*

*Он в пехоте служил рядовым,
Трижды ранен, имеет награды,
И домой возвратился живым
Под салютов цветных звездопады.*

*Про Берлин и горящий рейхстаг
Он расскажет, про мутную Шпрее,
Как в Тиргартене – оберст в крестах –
Немец выскочил... Дед был быстрее...*

*Они слышали это уже,
Но – мальцы, а, гляди, понимают:
Дед на огненной снова меже, –
Молодеет, когда вспоминает...*

*И опять под рукой автомат,
Как на штрассе той – Унтер-ден-Линден, –
А в окне яркий девичий взгляд:
Ненавидящий?
Робкий? –
Призывный...*

*Что меж ними там произошло? –
Никому не узнать, ну-тка, нишкни, -
Только дед, воротившись в село,
Пятилетку гулял, не женившись.*

*Телевизором он раздобыл,
Двадцать лет уже было Победе, –
Про Берлин передачи смотрел
Неотрывно на зависть соседям.*

*Рвался съездить хоть раз в Трентов-парк,
А колхоз на кого же оставить?
Той весны неумный пожар
Жег его совестливую память.*

*А теперь лет уже шестьдесят
Пролетело. И сын ли, дочурка, –
Юной страсти святой результат,
Коли был, постарел, – вот доука!*

*Кудри гладит своих правнучат,
«Черноглазые... – молвит с тоскою, –
Шестьдесят, ты гляди, шестьдесят...»
И качает седой головою.*

*А за окнами снова скворцы
Тараторят – пернатые веды,
И горят золотые венцы
На героях Великой Победы.*

2005 г.

** * **

*Фетишизм – иностранное слово,
Поклоненье – надежней, добрей,
Обстоятельно и не сурово,
Предпочтительнее и мудрей.*

*Поклоняюсь пилотке и пряжке,
Да иконе – находке своей,
Домотканной отцовской рубашке
С ароматом кипчакских степей.*

*Пред тобою, красивою слишком,
Преклоняюсь, пред лоном твоим...
Пред бегущим навстречу сынишкой –
Все грядущее связано с ним.*

*Пред живую раскидистой веткой
Наклонюсь, манит пение птиц...
Поклоняюсь обычаям предков,
Перед Родиной – падаю ниц.*

Зов

*Объятья детских рук,
молочный чистый запах:
– Любимый мой, родной,
не покидай меня!*

*Рассветы вновь зовут
На Север и на Запад,
И снова кони ржут,
и удила звенят.*

*Повозки и костры,
находки и потери,
А дети подросли,
как вдоль дорог трава,
Но в сердце сохранить
мы все-таки сумели
Тепло их нежных рук
и жаркие слова.*

*Законной чередой
сменяет лето осень,
Набатный слышу звон
я на закате дня, –
Меня издалека
знакомый голос просит:
– Любимый мой, родной,
Не покидай меня!*

Запахи детства

*Каждый из нас получает в наследство
Добрые теплые запахи детства.
Ветер откуда-то их принесет –
Сердце прерывисто бьется и мрет.*

*Пахнет деревней в кувшине сметана,
Чай – самоваром, и речкою – ванна,
Пахнет грозой после стирки белье,
Дедушкой старое пахнет ружье.*

*Девочка шкафчик откроет и ахнет:
«Мамою ветхое платьице пахнет...»
Мальчик на полочке леску найдет,
И об отце потихоньку взгрустнет.*

*Как бы хотелось назад возвратиться
В детство, где можно скакать и кружиться,
С мамой над увальнем-папой шутить,
С папой смеяться и рыбу ловить.*

*Годы уносятся – туч вереницы,
Запахов детства листаю страницы.
Жаль, что нельзя их надолго открыть –
Стянута крепко прошедшего нить.*

Речки

*Тихие речки
России печальной моей,
Что вам огромные волны
далеких морей?
Вам заменяет русалок
ночной хоровод
Крупные брызги
штормами вздымаемых вод
Лилий цветущих
белы и туги паруса,
Яхонты блещут –
кувшинок рассветных роса.
Омуты тянут нырнуть –
их таинственна тьма,
Плесы просторные
сводят мальчишек с ума.*

Сухопутный моряк

*Я осваивал новые улицы
В городах и поселках отстроенных,
Словно Шлиман над ними сутулился,
Над моими воскресшими Троями...*

*И деревьями скверы засаживал,
Под газоны тропу перекапывал,
И кострищ плодородною сажею
Дополнял солонцовую рапу я.*

*И тянула меня перемытая,
Штормовыми ветрами просолена,
Даль, и странствий печаль неизбытая,
Ко скитаниям тяга бессонная.*

*Вновь надену тельняшечку рваную
И, поскольку душе моря хочется,
Пусть сургутская Мелик-Карамова
Надо мной парусами всполощется...*

Новые и старые

*Мы правили тексты уставов,
Сплетая словесную нить,
И снова твердили устало,
Кому и зачем говорить.*

*Дельцы зазубрили. Взлетели.
Исчезли в межзвёздной дали,
Размножились в радио, в теле...
И к истине не снизошли.*

*От них мы добра и не ждали,
За что же нам вёдра хулы?
Раз «новые» есть, мы – из «старых»,
Тянущих ярмо, как волы.*

*Пока они золото делят,
Мы ищем его для страны,
И верим, как добрая челядь,
Что кончится час Сатаны.*

Юность комсомольская*

Памяти А. П. Зубарева

*Я сижу на станции «Юность комсомольская»
В жаркий полдень солнечный,
В полдень выходной,
И душа прохладю и свободой полнится,
Что еще для праздника надо ей, родной?*

*С нею нестареющей мы навек условимся,
Не считать составами мчащие года,
И сюда на станцию «Юность комсомольская»
Возвратиться с песнею раз и навсегда.*

*Здесь улыбкой светлою все цветет любимая,
Пробежала доченька, скрылась за углом,
А сынишка маленький ржавую машиною
Все скрипит – катается под чужим окном.*

*Жду, что соберутся все, вот сейчас опомнятся,
На меня накинутся, радостно браня...
Я сижу на станции «Юность комсомольская»,
А вагон мой фирменный ждет и ждет меня...*

** Железнодорожная станция между Тобольском и Сургутом.*

Проблемы развития литературного процесса в нефтяном Приобье

О месте югорских авторов в современном литературном процессе мною были высказаны мысли в докладе «Литературная страница в Интернете как отражение современного литературного процесса» (2004) ¹ и в статье «Писатели Югры на сайте Поэзия земли Югорской» (2007)². Эти рассуждения не подверглись ни критике, ни корректуре, что позволяет продолжить рассмотрение вопроса с прежних позиций. Сквозной темой обеих работ был значительный рост электронных публикаций писателей Югры, более активное, чем в обычных библиотеках обращение к ним читателя, надежды на взаимное обогащение «бумажной» и «электронной» литературы.

В целом прослеженное взаимовлияние продолжает составлять общую линию, происходит сращение достоинств и недостатков обеих систем культуры. За прошедшие годы, к сожалению, прорыв тридцати трёх богатырей-писателей нефтяного Приобья в «большую литературу» произошёл только через толстые журналы, которые, как известно, переживают не самые лучшие времена. Это публикации в журналах «Наш Современник», «Урал», в еженедельнике «Литературная Россия», в журнале «Невский альманах».

Кроме того продолжалось издание альманахов «Эринтур», Чаша круговая», «Врата Сибири», «День поэзии», «Московский Парнас», «Сургут», «Зори Самотлора», газеты «Литературный Нижневартовск», вышли сборники «О времени, о литературе, о себе», «Югорская поэма», «Там, где Иртыш обнимается с Обью», «Где начинается завтра? Поэзия молодой Югры», «Второй Петербург», «Дорога жизни», антология «Современная проза Югры», хрестоматия для учащихся 9-11 классов «Современная литература Югры» и другие.

Алла Цукор написала о творчестве Е. Д. Айпина, Ю. К. Вэллы, Т. В. Юргенсон, С. Л. Луцкого, П. А. Суханова, Н. В. Сочихина, Д. А. Сергеева, С. Е. Сметанина, О. Г. Никулина. Михаил Рябий и Евгений Каргополов много писали о творчестве писателей Югры. Но все эти многочисленные публикации, включая «Московский Парнас», носят региональный характер.

Изданные малыми тиражами книги, ставшие предметом внимания собратьев по перу, хотя и ознаменовались получением авторами множества административных премий и наград в различных конкурсах, и стали ярким явлением в читательской среде, по влиянию на общество в целом сопоставимы с публикациями в периодике.

В то же время в интернете начал активную деятельность сайт «Российский писатель» <http://www.rospisatel.ru>, который во многом заменил официальный сайт Союза писателей России. Формируется добрая традиция публиковать

объёмные авторские подборки стихотворений и полные тексты рассказов и повестей. Появилась читабельная версия журнала «Наш Современник» <http://www.nash-sovremennik.ru/> , который почти ежегодно посвящает один из номеров авторам из Ханты-Мансийского автономного округа. Журналы «Югра» <http://www.ugra-start.ru/> , сайты «Новости Югры» <http://www.ugra-news.ru/> знакомят читателя с литературной жизнью округа. Библиотеки Югры давно обзавелись мощными порталами, на которых сообщают о новых поступлениях, рассказывают о писательской жизни. Сообщают о наших писателях и страницы поклонников их творчества. Это «Музыкально-поэтический сайт Ханты-Мансийского автономного округа» , сайт «Филград», где размещены визитки Сергея Козлова <http://www.filgrad.ru/texts2/sskozlov.htm> и Владимира Волковца <http://www.filgrad.ru/texts3/volkovets2.htm> , страница сургутского городского литературного объединения «Северный огонёк» <http://www.surgutlito.narod.ru/> и другие.

Привлекают пользователей сайты Маргариты Анисимковой <http://www.anisimkova.ru/> , Юрия Вэллы <http://www.jurivella.ru/> , сайт Дмитрия Мизгулина <http://www.mizgulin.ru> , сайт Сергея Сметанина «Сотворение мира» <http://www.ruspoetry.narod.ru/> , сайт посвященный творчеству Павла Черкашина http://artofwar.ru/c/cherkashin_p_r/ .

На портале Яндекса созданы визитки сургутских поэтов Георгия Ешимова <http://www.jeshimow.narod.ru/> , Олега Гавриловича Никулина <http://www.surgutlito.narod.ru/onikul.htm> , Михаила Кузьмича Антохина <http://antochinm.narod.ru/> .

Представлены наши авторы и в социальных сетях, например на Фэйсбуке <http://www.facebook.com> нашли прописку Людмила Ветрова, Сергей Козлов, Владимир Мазин, Сергей Сметанин, Олег Никулин, Павел Черкашин.

Понятно, что мыслить о литературном процессе писателям не мешает ни зыбкость надежды на гонорар, ни недостаток общения. В последнее время к Дворяшину и Коняеву присоединился Сергей Луцкий с его романом «Причастный», опубликованном в журнале «Урал»³. Эта вещь позволяет всесторонне рассмотреть изменения в профессиональной среде московских литераторов, которые во многом и привели к нынешнему положению вещей в книгоиздании.

Наши писатели-«северяне» продолжают влачить существование, мягко говоря, малозаметное для российского «общественного мнения». Не способствует этому и ситуация, в которой оказались писатели в последние три года: расслоение в их среде отражает социальные противоположности. Беднейшая их часть, благодаря скудному финансированию организации, лишилась возможности ежегодных встреч и проведения писательского собрания. Эта положение вещей длится уже более трёх лет

Кроме ущерба организационного характера, писатели Югры понесли утраты в личном составе. Но сформированная в начале перестройки под руководством Андрея Тарханова общность продолжает жить.

Предпринятые попытки книгоиздания за три года по данным Лыткиной выглядят следующим образом: Еремей Айпин. «Река-в-январе» (Санкт-Петербург, 2007), Владимир Андреев. «Словарь языка каратаев» (Казань, 2007), «Улыбка гения любви» (Казань, 2009), Маргарита Анисимкова. «Мангазея» (Екатеринбург, 2008), Михаил Антохин. «Полынный сок» (Шадринск, 2007), «Окраина-обочина» (Шадринск, 2008), Мария Вагатова. «Материнское сердце» (Екатеринбург, 2007), Владимир Волковец. «Весенний день осени» (2008), Николай Вторушин. «Китайский плацкарт» (Ханты-Мансийск, 2007), «Хотите, верьте – хотите, нет» (Курган, 2009), «Жизни моей бытиё» (Курган, 2010), Юрий Вэлла. «Земля Любви: диалоги» (Ханты-Мансийск, 2009), Юрий Дворяшин. «Шолохов и русская литературная классика 2-й половины XX века» (Москва, 2008), Георгий Ешимов. «Югорские строфы» (Москва, 2007), Сергей Козлов. «Облака» (Тюмень, 2007), «Мальчик без шпаги» (2007), «Вид из окна» (Москва, 2008), «Дежурный ангел» (Москва, 2008), «Отражение» (Москва, 2009), «Хождение за три ночи» (Москва, 2010), Николай Коняев. «Моя нечаянная Родина» (2008), Сергей Луцкий. «Параллельные миры» (Екатеринбург, 2008), «Причастный» (Екатеринбург, 2010), Дмитрий Мизгулин. «Новое небо» (Москва, 2008), «Как будто жизнь еще не начиналась» (Санкт-Петербург, 2009), «Утренний ангел» (Москва, 2009), «Ночник» (2010), Валерий Михайловский. «Надоело, или так дальше пить нельзя» (2007), «Вах таинственный, или путешествие к центру России» (Тюмень, 2008), «Великий северный путь» (Томск, 2010), Олег Никулин. «Из глубины сибирских руд» (Москва, 2009), Новомир Патрикеев. «Весенняя охота на водоплавающих птиц в Обь-Иртышье: записки охотника Северо-Западной Сибири» (Ханты-Мансийск, 2008), «Молодёжь Севера в годы послевоенных пятилеток» (Ханты-Мансийск, 2008), Ирина Рябий. «Обратная перспектива» (Курган, 2010), Галина Слинкина. «Сказки земли Югорской» (Екатеринбург, 2010), Сергей Сметанин. «Имя вселенной» (Шадринск, 2008), Николай Смирнов. «Капкан вождя» (Екатеринбург, 2010), Никон Сочихин. «Светлая радость» (Москва, 2009), Андрей Тарханов. «Лесные доктора» (2008), «Волки идут следом» (Екатеринбург, 2010), Алла Цукор. «Народ и история в прозе Исхака Машбаша» (Майкоп, 2008), Станислав Юрченко. «Храм» (2009), «Мост» (2009).

Как видим, авторами, издавшими более трех книг, являются трое: «Вторушин, Мизгулин и Козлов. Тиражи, которыми вышли эти книги, тоже не вдохновляют, общеизвестно, что тиражи сейчас такие, что их едва хватает на обязательные экземпляры для рассылки в библиотеки.

Полного представления о творчестве югорских авторов сеть интернет пока не даёт. Наиболее полно в ней (почти целиком) представлено лишь книжное творчество Дмитрия Мизгулина.

Наибольшее внимание интернет и СМИ уделяют творчеству Сергея Козлова. Его повесть «Мальчик без шпаги» была экранизирована, что добавило ему популярности.

Попытка самопознания, выраженная в сборнике «О времени, о литературе, о себе», статьи критиков, заметки в еженедельнике «Литературная Россия», предисловия и послесловия некоторых книг, видимо, дают какие-то ориентиры для писателей. Впечатления общего творческого застоя или регресса нет, хотя, положа руку на сердце, должен сказать, что в общей массе книг попадаются единичные издания, которые хотелось бы вернуть на доработку редактору, а то и корректору. Возможность издания книг в авторской редакции, поворачивается для кое-кого невыгодной стороной.

Потребность в маяках, не лишает основной состав писателей-югорчан достоинства и самобытности. Яркие, значительные произведения многих были отмечены премиями, победами в конкурсах, другими видами общественного признания. В эпигонстве никто пока упрека не заслужил. Но хотя югорская литература вопреки пост- и пост-постмодернизму и прочим царящим в России «-измам» сохраняет реалистические традиции, сказать, что она представляет собой единый сплоченный порыв в будущее, значило бы немного покривить душой.

Конечно, существует неистребимая тяга писателей к совершенству, оглядка на великую классическую литературу за спиной. Недостаток положительных критических замечаний ведёт авторов в литературные объединения, заставляет проявлять интерес к собратьям по перу с точки зрения их профессионализма, так или иначе оттачивать свой стиль, уточнять рамки жанра, подтягиваться к лучшему технически. Но, по-видимому, есть резон в утверждении, которое продолжает набирать силу в среде теоретиков литературоведения, что «...начиная с эпохи романтизма, главной ... фигурой становится автор (при этом, конечно, и жанр, и стиль в какой-то степени сохраняют свои позиции, но утрачивают позиции лидирующие)»⁴.

Оптимизм внушает одно: высокий уровень писательского мастерства для большинства членов ханты-мансийской организации, кажется, всё-таки остался достижимым и верным идеалом. Во всяком случае тексты книг и электронных публикаций внушают представление о творческом росте многих авторов, об их ответственном отношении к слову, несмотря на удручающие социальные тенденции как в области образования и культуры, так и в других областях нашей жизни.

Литература:

1. С. Е. Сметанин. «Литературная страница в Интернете как отражение современного литературного процесса»
2. С. Е. Сметанин. «Писатели Югры на сайте Поэзия земли Югорской»
3. Сергей Луцкий. «Причастный. Роман. «Урал» 2010, № 11
4. М. Андреев. Круглый стол. Обсуждение доклада М. Андреева «Сравнительный метод в контексте исторической поэтики». «Вопросы литературы» 2011, № 4

Поэт, фантаст, публицист

Год заочного знакомства связывает меня с тульским поэтом Леонидом Адриановым, хотя впервые я прочел его произведения давным-давно. Мы вступили в переписку через интернет-портал Стихи.ру в конце 2010 года, затем обменялись почтовыми бандеролями с книгами. Я послал ему несколько своих сборников, он выслал мне свои книги «Егнышѣвская осень», «От пролога до эпилога» и другие.

Мне довелось рецензировать книги Адрианова для публикации на портале. В течение 2011 года многие интересные стихотворения Леонида Борисовича были опубликованы на сайте «Поэзия земли Югорской». Оба были рады творческому взаимопониманию.

Недавно вспомнилось, что мне всегда исподволь напоминал творческий псевдоним Адрианова: в детстве, будучи учеником старших классов омской школы, я перечитал почти всю научную фантастику, которая стояла на полках библиотеки. В шестидесятые годы многих мальчишек интересовали как солидные тома Жюль Верна и Беляева, так и периодические издания из библиотечки научной фантастики. Именно с тех лет, на всю жизнь запомнилось имя Дар Ветер. Оно связывалось у меня в памяти с образом пытливого исследователя космоса, звездоплывателя — обаятельного, как Юрий Гагарин.

Окончив школу, я перестал увлекаться фантастикой. Меня захватили реалистическая проза и стихи, сложилась своя литературная судьба. И вот через сорок пять лет произошло знакомство с тем, кто придумал это имя, автором замечательного героя Леонидом Борисовичем Адриановым.

В том, что именно он придумал Дара Ветра, я убедился, получив от него книгу стихотворений «Я — галакт». Редко мне доводилось встречать столько стихотворений на научно-фантастические сюжеты под одной обложкой. Поэт с юности пронёс огромную любовь к небу, к космическому полету мысли, что позволило ему плодотворно разрабатывать жанр научно-фантастической лирики.

Адрианов поражал посетителей литературного портала широтой интересов. Он интересовался астрономией и историей, мифологией и живописью, музыкой и политикой, психологией и сочинением палиндромов.

Но самое большое впечатление произвел сборник его публицистических статей «Ах, ты, время моё — моя боль!», многие памфлеты которого написаны живым, образным языком, покоряют яркостью и четкостью видения общественных проблем, глубиной политической мысли.

К моему горькому сожалению преждевременная смерть писателя прервала переписку и складывающееся общение. Это было ударом, так как я потерял не просто корреспондента, интересного письменного собеседника и рецензента, но и единомышленника, доброго и верного товарища.

Кончина Леонида Борисовича была большим печальным событием не только для меня. Множество авторов интернет-сообщества откликнулись своими произведениями, отзывами, соболезнованиями. Познакомиться с ними, а также со ссылками на произведения Л. Б. Адрианова и его библиографию можно на неофициальном сайте поэта (<http://www.leonidadrianov.narod.ru/>).

Небольшая часть нашего обмена рецензиями вошла в статью «Письменная разговорная речь, как средство самообразовательной деятельности в условиях информационной среды на материале сервера «Стихи.ру», которая была опубликована в сборнике «Самообразование личности в условиях информационной среды. Материалы заочной научно-практической конференции с международным участием» в Ханты-Мансийске в 2011 году.

Содержание

1. Югорская диалектика
2. Добровольческая деятельность литературного объединения
3. В память о писателе (о Н. П. Смирнове)
4. Характер писательницы (о М. К. Анисимковой)
5. От мечты до прорехи (о стихах П. А. Суханова)
6. Романтик с Мелик-Карамова (о творчестве Георгия Ешимова)
7. Проблемы литературного процесса в нефтяном Приобье
8. Поэт, фантаст, публицист (о творчестве Леонида Адрианова)

Сергей Егорович Сметанин

О ЛЮДЯХ И КНИГАХ

Электронная книга